

Сын менестреля

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В один ветреный мартовский день в середине 1920-х годов я сидел в приемной префекта по учебной работе иезуитской школы Святого Игнатия, чему был несказанно рад после семи нелегких лет, проведенных в образовательных заведениях, которые находились в ведении муниципалитета Уинтона. Сразу же после моего появления на свет мой отец, питая самые радужные надежды относительно своего будущего, а также в приливе отцовских чувств записал меня в Стонихерст¹. Когда же шесть лет спустя он скончался после тяжелой и продолжительной болезни, его достойные похвалы амбиции так и не были удовлетворены: оставленных им денег едва хватило, чтобы рассчитаться с докторами и оплатить похороны.

И все же школа Святого Игнатия была неплохой заменой заведению в Ланкашире, выбранному для меня моим родителем. Школа с примыкающей к ней церковью располагалась на холме недалеко от центра города и предназначена была для возвращивания отпрысков католической буржуазии, а кроме того, благодаря умеренным ценам — и сыновей рабочих; преподавали в школе священники-иезуиты, воспитанные, как правило, по стро-

¹ *Стонихерст* — католический колледж, расположенный в графстве Ланкашир. — *Здесь и далее примеч. перев.*

гим церковным канонам и отличающиеся свойственной этому ордену надменностью, что пугало меня до крайности, а потому, когда за моей спиной открылась дверь, я как ошпаренный вскочил на ноги.

Но в комнату непринужденно вошел незнакомый мальчик, явно чувствующий себя здесь как дома. Я снова сел на место, а он с легкой полуулыбкой расположился рядом. Одет он был несравненно лучше меня: в прекрасно скроенный темный фланелевый костюм, тонкие носки и блестящие туфли, белоснежную рубашку с галстуком в черно-зеленую полоску — явно цветами его частной школы. Из нагрудного кармана пиджака высовывался льняной носовой платок, а в петлице вызывающе красовался маленький василек. Более того, мальчик — с его благородной бледностью, мягкими белокурыми волосами и голубыми глазами — был настолько хорош собой, что я еще больше застеснялся не только своих огненно-рыжих волос, веснушек и длинного носа, но и убогой одежды: старых фланелевых штанов, синей шерстяной кофты, связанной матерью, трещиной на облезлом носке правого ботинка, которая возникла в результате неудачного удара по вылетевшему со школьного двора мячу. В результате я сразу же возненавидел мальчишку и решил при первой же возможности как следует ему накостылять.

Неожиданно, к моему величайшему удивлению, мальчик нарушил торжественную тишину уставленной фолиантами комнаты.

— Надо же, как скучно. Похоже, пунктуальность не входит в число достоинств иезуитов, — сказал он и вдруг запел: — «В церкви тихой и пустой оказались мы с тобой!» — а потом продолжил уже нормальным тоном: — Спорим, Бошан сейчас завтракает в буфетной. Полагаю, он жуткий обжора. Хотя ужасно образованный. Выпуск-

ник Итона. Новообращенный, естественно. — Мальчик снова затянул свою песню, теперь уже громче: — «В церкви тихой и пустой оказались мы с тобой...»

В этот момент дверь распахнулась, и моим глазам предстала массивная величественная фигура в сутане, впрочем не способной скрыть явно выраженную дородность ее обладателя. В правой руке человек нес тарелку с большим двойным сэндвичем с сыром. Вошедший водрузил тарелку на письменный стол, предварительно аккуратно застелив его салфеткой, которую достал из верхнего ящика. Затем он тяжело уселся за стол и произнес то ли в виде извинения, то ли просто в воздух буквально следующее:

— *Edere oportet ut vivas.*

— *Non vivere ut edas*¹, — вполголоса отозвался сидевший возле меня маленький сноб.

— Хорошо, — кивнул прелат, который, вне всякого сомнения, был не кем иным, как отцом Бошаном. — Хотя ты и цитируешь Цицерона, о чем тебя, впрочем, не просили... — Здесь святой отец остановился, перевел взгляд с мальчика на меня и только потом продолжил: — Когда я подходил к храму науки, то услышал весьма нестройный напев...

— Есть у меня дурацкая привычка, — честно признался мой сосед. — Когда я нервничаю или жду кого-то, кто опаздывает, то непроизвольно начинаю петь...

— Да уж! — мрачно заметил Бошан. — Тогда встань и пой. Но только очень тебя прошу, ничего вульгарного.

Я с трудом подавил злорадный смешок. Сейчас этот маленький задавака выставит себя круглым дураком. Он медленно поднялся. Пауза явно затянулась. Затем, устре-

¹ «Нужно есть, чтобы жить». — «Но не жить, чтобы есть» (*лат.*).

мив взгляд куда-то вдаль, мимо отца Бошана, мальчик запел.

Он исполнял *Panis Angelicus* — один из наиболее сложных церковных гимнов на латыни. И когда сладостные и трогательные слова гимна, наполнив комнату, начали постепенно подниматься к небесам, глупая ухмылка исчезла с моего лица. Еще никогда прежде я не слышал столь чудесного и искреннего исполнения и такого голоса — чистого и чарующего. Я был совершенно покорен и полностью отдался во власть музыки. Когда стихли последние звуки, в комнате воцарилась гробовая тишина.

Я был ошеломлен и долго не мог прийти в себя от потрясения. И хотя в те времена мои музыкальные познания были крайне ограничены, я не мог не понять, что этот разодетый вундеркинд действительно обладает редким — прекрасным и пленительным — голосом. Бошан тоже был явно впечатлен.

— А-а-а... Хм... — только и смог выдать он. — А-а-а... Хм... Нам непременно следует поговорить о тебе с нашим хормейстером, добрейшим отцом Робертсом. — И после непродолжительной паузы он добавил: — Ты, должно быть, юный Фицджеральд.

— Да, я Десмонд Фицджеральд.

— Ну что ж, очень хорошо, — неожиданно мягко произнес отец Бошан. — Я много лет переписывался с твоим отцом. На редкость эрудированный человек. Выдающийся ученый. Именно его стараниями я получил «Апокалипсис» из библиотеки Тринити-колледжа, очень ценное и редкое издание, выпущенное Роксбургским клубом¹. — Помолчав, он продолжил: — Но из его письма,

¹ *Роксбургский клуб* — общество библиофилов в Лондоне (основано в 1812 году), члены которого брали на себя обязательство перепечатывать книги за свой счет.

полученного мной за несколько месяцев до его смерти, я понял, что ты собираешься в Даунсайд¹.

— Материнские чувства не позволили моей матушке отпустить меня далеко от дома, сэр. А потому она решила возложить на вас бремя ответственности за меня. Полагаю, к величайшему облегчению бенедиктинцев.

— Значит, теперь ты живешь в Уинтоне?

— Моя мать — шотландка. Овдовев, она решила вернуться на родную землю. Она сняла дом в Овертон-Кресцент.

— Прелестно. Чудесный вид на парк. Надо будет обязательно ее навестить... Возможно, она угостит меня чаем. — Лицо Бошана приняло мечтательное выражение, и он облизал губы. — Как настоящая жительница Шотландии, она, должно быть, умеет печь эти восхитительные глазированные французские пирожные, которыми так славится наш город. Безусловно, пережиток Старого союза².

— Сэр, я обязательно позабочусь о том, чтобы к вашему визиту в доме был приличный запас, — серьезным тоном ответил Десмонд.

— Очень хорошо. Очень хорошо. А-а-а... Хм... — Тут Бошан повернулся ко мне и стал внимательно меня изучать, сосредоточенно нахмурив кустистые брови. — А теперь ты?

Уязвленный до глубины души столь пылким обменом любезностями, невольным свидетелем которого стал, я почувствовал себя здесь еще более чужим, а потому невнятно пробормотал сквозь зубы:

— А я просто Шеннон.

¹ *Даунсайд* — одна из старейших католических британских школ-пансионов, возглавляемых монахами-бенедиктинцами.

² *Старый союз* — военно-политический и культурный альянс средневековых Шотландии и Франции, направленный на сдерживание внешнеполитических амбиций Англии.

Похоже, ему понравились мои слова. На его лице появилась благодатная улыбка.

— Ах да! Ты приехал к нам по стипендии Кельвина. — Бошан наклонился и заглянул в лежащую на столе папку. — Несмотря на свой рост, ты похож на «скромный, маленький цветок»¹, но, может быть, я сумею повысить твою самооценку, если сообщу, что твоя экзаменационная работа признана исключительной. Именно такую характеристику дал отец Йегер, который ее проверял. Ну что, доволен?

— Моя мама будет довольна, когда я сообщу ей об этом.

— Хорошо сказано! Теперь ты больше не просто Шеннон, а великолепный Шеннон. — Бошан внимательно оглядел меня с головы до ног, явно не обойдя вниманием и злополучную трещину на ботинке. — А сейчас, если тебе удобно, можешь зайти к казначею и договориться о перечислении первого взноса из суммы твоей стипендии. Канцелярия открыта с двух до пяти.

К этому времени аромат свежесдобитого хлеба уже успел проникнуть за пределы салфетки, на которой лежали сэндвичи, и распространился по комнате. От аппетитных запахов у меня даже слюнки потекли, и я понял, что добрейшему префекту не терпится наконец разделаться со своим бутербродом. Бошан торопливо проинформировал нас, что мы зачислены в старший четвертый класс², объяснил, где находится классная комната, и с облегчением отпустил.

Однако, когда мы проходили мимо письменного стола, префект протянул свою здоровенную лапищу и, ни

¹ Строка из стихотворения Р. Бернса «Горной маргаритке, которую я примял своим плугом» (перевод С. Я. Маршака).

² Старший четвертый класс соответствует десятому классу российской школы.

слова не говоря, вынул цветок из петлицы пиджака Фицджеральда.

— С твоего позволения, во время занятий — никаких флористических украшений.

Десмонд вспыхнул, но возражать не стал, а лишь молча кивнул. Уже в коридоре мой новый товарищ сказал с улыбкой:

— В этом весь Бошан. Золотая голова! Ненасытное брюхо! Спорим, он пустит мой василек на салат! А я еще и пел ему, как последний идиот. Теперь меня непременно засунут в очередной хор. Хотя я и так целых три года играл роль чертовой примадонны в подготовительной школе!

— Быть может, у тебя скоро начнет ломаться голос? — попытался утешить я нового знакомого.

— Уже сломался. Причем очень рано. Теперь я обречен быть Доном Оттавио, Каварадосси, проклятым Пинкертоном!¹ — Тут Десмонд взял меня за руку и тихо добавил: — Надеюсь, я тебе понравлюсь, так как нам все равно придется быть вместе. Думаю, ты мне тоже понравишься. Твое «просто» прозвучало весьма мило. Ты играешь в шахматы?

— Я играю в футбол, — ответил я. — А ты?

— Ни разу в жизни не гонял мяч. Но обязательно приду поболеть за тебя. А сейчас почему бы нам, прежде чем приступить к трудам праведным, не пропустить по стаканчику имбирного лимонада? Я видел неподалеку неплохую кондитерскую.

— Я на мели, — холодно произнес я.

— Ты что?! Это же я тебя пригласил. Пошли!

И он повел меня через улицу к заведению, которое оказалось кондитерской при школе. Внутри было удивительно уютно. Мы сели за столик.

¹ Соответственно герои опер «Дон Жуан» В. А. Моцарта, «Тоска» и «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини.

— Два имбирных «швепса», пожалуйста. И похолоднее. С кусочком лимона, если, конечно, у вас имеется такая вещь, как лимон.

Женщина, стоящая за прилавком, как-то странно посмотрела на Десмонда, но уже через несколько секунд перед нами стояли два стакана с пенным напитком, в каждом из которых плавало по кружочку лимона.

— Благодарю вас, мэ. Могу я с вами рассчитаться?

Боже, как давно я не пил имбирного лимонада! Я сделал большой глоток приятно охлаждающей жидкости.

— Правда, хорошо? — улыбнулся Десмонд. — Лимон здорово улучшает вкус. А теперь расскажи о себе. Оставим в стороне забивание голов. Чем ты вообще хочешь заняться?

Я рассказал ему, что мечтаю получить университетскую стипендию и, если повезет, заняться медициной, а потом в свою очередь задал ему тот же вопрос.

— Я хочу стать священником, — ответил моментально посерьезневший Десмонд. — И мама будет довольна. Она у меня очень славная и очень набожная. Так что к тому времени, как ты обоснуешься на Харли-стрит, я уже буду кардиналом в Риме. Думаю, мне пойдет красная шапочка.

И мы оба покатались от хохота. Устоять против обаяния Десмонда было невозможно. А ведь еще каких-то полчаса назад у меня руки чесались задать ему хорошую трепку! Но теперь он меня покорил. И стал мне даже нравиться.

— Ну что, еще по кружечке? — осушив стакан, спросил Десмонд.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам, но взял себя в руки и твердо сказал:

— Извини, Фицджеральд. Но я не могу ответить тебе тем же. А поскольку быть прихлебателем вовсе не вхо-

дит в мои планы, я должен сообщить, что мы — я и моя мама — находимся сейчас в крайне стесненных обстоятельствах.

Десмонд что-то сочувственно пробормотал. Я видел, что ему ужасно хочется задать мне вопрос, но дальнейшее просвещение нового друга вовсе не входило в мои планы. А он, естественно, был слишком хорошо воспитан, чтобы давить на меня.

— Все самые почитаемые святые были бедны и предпочитали нищету богатству.

— Воля их, — парировал я.

— В любом случае, — улыбнулся Десмонд, — Господь свидетель... я не хочу, чтобы это помешало нашей дружбе. — А пять минут спустя, когда мы вышли из кондитерской, он взял меня за руку и сказал: — Возможно, еще не время, но не будешь ли ты возражать, если мы будем обращаться друг к другу по имени? Я терпеть не могу, когда меня называют Фицджеральд. Все Фицы, как известно, являются потомками незаконнорожденных отпрысков Карла Второго. Он швырнул им приставку «Фиц» вместе с *baton sinister*¹. Даже думать об этом противно. Нет, я предпочитаю, чтобы ты звал меня Десмонд, но никогда, заруби себе на носу, никогда не называй меня Дес. А как мне тебя называть?

— Ну... у меня совершенно ужасное имя. Меня назвали Александром в качестве искупительной жертвы, причем абсолютно напрасной, принесенной моему дедушке. А второе имя я получил в честь святого Иосифа. Но друзья обычно зовут меня просто Алек.

Мы вошли в классную комнату. Увидев, что наши парты рядом, Десмонд бросил на меня довольный взгляд.

¹ *Букв.* левая перевязь. В геральдике это полоса на гербе от верхнего правого угла до нижнего левого угла, свидетельствующая о незаконном рождении.

ГЛАВА 2

Отец Десмонда был книготорговцем. Но ни один современный роман не мог попасть в пределы обшитой ромбовидными панелями маленькой пыльной лавки, приткнувшейся в уголке дублинской гавани и широко известной в Англии и за ее пределами как хранилище редких фолиантов, специальных изданий произведений изобразительного искусства, исторических буклетов, трудов ученых мужей и тому подобных вещей, за которыми охотятся просвещенные коллекционеры, желающие приобрести что-нибудь особенное, но по цене гораздо ниже той, что бесстыдно запрашивают в Лондоне или в Нью-Йорке.

Хотя Фицджеральд и не нажил особого богатства — о чем охотно сообщал своим клиентам при заключении сделки, — он вполне прочно стоял на ногах и, будучи на двенадцать лет старше жены, весьма предусмотрительно сохранил и удвоил ее состояние путем денежных вложений на ее имя, что после его кончины — события, не заставившего себя долго ждать, — обеспечило ей приличный годовой доход.

Его жена Элизабет была родом из Шотландии, а именно из Ланаркшира, и потому на берегах полноводной Лиффи чувствовала себя не вполне уютно. И вот, выждав положенное приличиями время, что позволило ей продать дом и получить вполне разумную сумму за материальные и нематериальные активы фирмы, она переехала в Уинтон, где с оборотистостью репатриантки очень быстро нашла прелестный дом на холме, о котором упомянул Десмонд в разговоре с отцом Бошаном, когда тот напросился на чай. При такой матери, которая души не чаяла в единственном сыне, Десмонд получал все, что только мог пожелать: красивую одежду, карман-

ные деньги без ограничения, новый велосипед, чтобы ездить в школу...

Я же находился в совершенно другом положении. Моя мать была дочерью преуспевающего фермера из графства Айршир, но семья отреклась от нее, когда она убежала из дому с моим отцом-ирландцем, совершив при этом еще более тяжкий грех, а именно, перейдя в лоно Римско-католической церкви. После смерти моего отца упорная приверженность матери новой вере не оставила ей ни малейших шансов на примирение с семьей. Но мою отважную маленькую маму было не так-то легко сломить. Пройдя короткий курс обучения, она получила должность патронажного работника при муниципалитете Уинтона. Служебный долг привел ее в печально известный район под названием Андерсон — мрачные трущобы, где беднота плодила себе подобных: золотушных и рахитичных детей. Такая замечательная, но достаточно обременительная работа вполне подходила маме, женщине энергичной и жизнерадостной. Заработная плата, отнюдь не соразмерная затрачиваемым усилиям и полученным результатам, составляла два фунта в неделю. За вычетом двух шиллингов и шести пенсов в пенсионный фонд и еще семи шиллингов и шести пенсов в качестве еженедельной платы за нашу так называемую двухкомнатную квартиру, на все про все, то есть на еду, одежду и наше с мамой содержание, оставалось лишь тридцать шиллингов, и это до следующего дважды благословенного дня маминой зарплаты. Но не думайте, что мы влачили унылое и голодное существование в скудно обставленных «кухне и комнате» на четвертом этаже, куда я рысью поднимался по бесконечной лестнице, твердо зная, что наконец-то возвращаюсь домой, где проголодавшемуся мальчишке всегда найдется что поесть. Овсянка на завтрак, а если придется, то и на

ужин, иногда, как вариант, бесподобное шотландское кушанье — гороховая каша на пахте, густой перловый суп с овощами на мозговой косточке, домашние ячменные или пресные сконы, а по выходным — говяжьи голяшки, которые после воскресенья превращались в мясное рагу или картофельную запеканку с мясом. А еще я никогда не забуду мешка картошки, который каждый август тайком присылал нам старый работник с фермы маминых родителей. И хотя я прекрасно знал, что это ворованный товар, для меня не было ничего вкуснее больших рассыпчатых картофелин «кинг Эдуард», которые мама запекала в духовке и подавала на стол с кусочком масла. Я съедал все, даже кожуру.

И тем не менее мой образ жизни настолько разительно контрастировал с приятной легкостью бытия Десмонда, что было нечто странное в нашей крепнувшей день ото дня дружбе. Мы встречались радостно, как старые друзья после долгой разлуки, и вместе с тем в наших отношениях не было ни малейшего намека на чувство превосходства с его стороны или зависти — с моей, хотя он приезжал в школу на новеньком велосипеде фирмы «Роли», а я тащился две мили пешком, поскольку у меня не было даже полпенса на трамвай.

В большинстве образовательных учреждений под руководством иезуитов близкая дружба между мальчиками не только не приветствуется, но и порицается. Но так как в дальнейшем нам с Десмондом предстояло разойтись по разным классам, на нашу взаимную привязанность смотрели сквозь пальцы, без тени сомнения или подозрения. Я никак не годился на роль партнера по любовным утехам, поскольку практически сразу же был принят в футбольную команду, где меня заметили и оценили по достоинству благодаря резкой манере игры в качестве центрального полузащитника, в то время как Дес-

монд, несмотря на обаяние и кажущуюся беззаботность, проявил себя как достойный кандидат в священники, твердо решивший следовать избранной стезе. Он ни разу не пропустил мессы или Святого причастия и каждое утро, еще до начала занятий, уже был в церкви. Он уговаривал меня присоединиться к священному братству, о котором у меня были самые смутные представления. А поскольку учащиеся принимали участие в церковной службе на Пасху и во время Страстной недели, я, стоя на коленях подле Десмонда, не раз видел, как из его глаз, устремленных на крест над алтарем, катятся слезы.

Десмонд ходил в любимчиках у святых отцов, особенно у отца Робертса, который считал его талант даром Небес. Но Десмонд настолько выделялся из общей массы, что не пользовался особой популярностью у соучеников, одни считали его снобом, а другие — просто странным. Здесь следует признаться, что если бы не я, то ему пришлось бы вынести еще больше унижений от самых задиристых членов нашего маленького сообщества.

Однако при всей своей чувствительности Десмонд отнюдь не был трусом. Как-то раз, когда его загнала в угол группа хулиганов, которые, глумясь и осыпая Десмонда оскорблениями, предложили ему защищаться, он как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и, приветливо улыбаясь, повернулся к ним лицом со словами:

— Я не могу с вами драться, но, если вам так уж не терпится расквасить мне нос, не стесняйтесь!

От неожиданности хулиганы на секунду даже остолбенели и так и остались стоять с отвисшей челюстью, потом послышалось невнятное бормотание на жутком уинтонском диалекте:

— А он, того, не сдрейфил... Не трожь его, Вилли... Отстань от него, — затем раздался дикий гогот, причем не издевательский, а одобрительный, даже лестный для

Десмонда, который невозмутимо кивнул и, не вынимая рук из карманов, спокойно пошел своей дорогой.

Но я не сомневаюсь, что, когда он усаживался на низкую каменную ограду спиной к спортплощадке, его сердце колотилось как сумасшедшее. Это было его любимое место отдыха. Он никогда не участвовал в наших грубых и буйных забавах, поскольку так и не научился управляться с мячом или бить по нему. Нет, сидя на своей жердочке, он с некоторой долей высокомерия читал требник или своего любимого Тита Ливия. Однако основной заботой Десмонда было следить за внутренней жизнью узкой улочки, бросать время от времени монетку тому нищему, который официально был признан таковым и особенно его донимал, а во время сильных ветров, бывших не таким уж редким явлением здесь, на крутом холме, бдительно следить за девочками в соломенных шляпках и синей форменной одежде, направлявшимися в соседнюю школу при женском монастыре или, наоборот, выходявшими оттуда.

Этих благовоспитанных девочек из хороших семей учащиеся школы Святого Игнатия считали незваными гостями и старались полностью игнорировать, а потому, проходя мимо, отводили взгляд или опускали глаза долу. Десмонд же не устанавливал себе подобных запретов: он изучал девочек отстраненно и беспристрастно, словно они были туземцами, существами другой расы, и его замечания, подчас иронические, но очень смешные, были абсолютно лишены налета нечистых помыслов.

«Надо же, какая коротышка! Смотри, как ковыляет! А вот пай-девочка, мамина любимица! Обрати внимание, какие локоны! А ленточки, ленточки, Господи помилуй! О-ля-ля! Гляди, какая дылда белобрысая! Просто красотка, разве что ноги слегка великоваты!»

СОДЕРЖАНИЕ

СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ <i>Перевод О. Александровой</i>	5
ГРЕЙСИ ЛИНДСЕЙ <i>Перевод В. Мисюченко</i>	401

Кронин А.

К 83 Сын менестреля ; Грейси Линдсей : романы / Арчибалд Кронин ; пер. с англ. О. Александровой, В. Мисюченко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 544 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-23431-4

Десмонд Фицджеральд умен, невероятно привлекателен, к тому же обладает божественным голосом. Его ждет блестящее будущее. Окончив семинарию, он становится священником, побеждает в Риме на музыкальном конкурсе и отправляется по назначению в приход в Ирландию, где быстро располагает к себе главу местной церкви и прихожан. Но вдруг налаженная жизнь рушится с головокружительной быстротой. И как всегда, виновата женщина... Это роман о потерянных возможностях и мечтах, о праве на ошибку и о том, что всегда есть шанс начать все сначала.

Семь лет назад Грейси Линдсей, попав в беду, покинула город, чтобы родить ребенка, потом вышла замуж и уехала в Индию. И вот теперь после смерти мужа Грейси возвращается в родные места, чтобы начать все сначала. Но общество маленького городка не оставляет ее в покое, и прошлое молодой женщины начинает преследовать ее...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ
•
ГРЕЙСИ ЛИНДСЕЙ

Ответственный редактор Евгения Бессонова
Редакторы Ольга Давидова, Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Дмитрий Капитонов, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.06.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 23,97.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

H-AKB-32383-01-R